

Eigentumsbeziehung war, wobei sich die Benutzung dieser Kategorie später einengte und heute hauptsächlich nur zum Ausdruck der Eigentumsbeziehung dient (S. 236). Über die Funktionen der Fortsetzer des ursprünglichen **n*-Kasus erhalten wir einen gründlichen Überblick (S. 242—243, 246, 248, 264—265). Die Verfasserin scheint geneigt, den Standpunkt zu vertreten, nach welchem die Genitivendung **n* in den samojedischen Sprachen gleicher Herkunft mit den **n*-enthaltenden, ursprünglich auf einen Vokal auslautenden Ortskasusendungen ist (S. 279—280; dasselbe auch I. N. - Sebestyén, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs, S. 338—340; *id.*, Zum Problem des samojedischen und uralischen Genitivs. — Commentationes fenno-ugricae in honorem Paavo Ravila, Helsinki 1962 (MSFOu 125), S. 547—548; anders P. H a j d ú, Morphologische Beiträge zur Kenntnis der samojedischen Sprachen. — Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung. Wolfgang Steinitz zum 60. Geburtstag am 28. Februar 1965 dargebracht, Berlin 1965 (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen der Sprachwissenschaftlichen Kommission 5), S. 129—131; A. J. Joki, Über das Element *n* in der samojedischen Deklination; A. K ü n n a p, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe, S. 56—66, vgl. auch S. 151—155). In der absoluten Deklination der enzischen Nomina ist die Akkusativendung **m* heutzutage geschwunden, und ihr Fehlen darf also hier nicht als

ursprüngliche Erscheinung aufgefaßt werden (vgl. S. 183): man darf nicht vergessen, daß sich in den Aufzeichnungen Castrens ihre Spur noch in Gestalt des nasalierbaren laryngalen Klusils findet; auch zwei enzische Sprachführer des Rezensenten deklinierten das Substantiv *lätta* 'Brett' wie folgt: Gen., Akk. *lätta'*. Außerdem läßt der Vergleich solcher enzischen Sätze wie *mε' kārabo* 'ich brach das Zelt ab (gerade dieses Zelt)' und *mεδδ kārabo* 'ich brach ein Zelt ab (einfach ein Zelt, es wird nicht gesagt, welches)' (H. M. Терещенко, Энецкий язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва 1966, S. 443) keinen Zweifel darüber bestehen, daß *mεδδ* die Akkusativform ist und an ihrem Ende ursprünglich ein die Silbe abschließender Konsonant — erwartungsgemäß die Akkusativendung **m* — stand.

Das Erscheinen der Syntax der samojedischen Sprachen von Natalja Tereščenko ist zweifellos ein großes Ereignis in unserer uralischen Sprachwissenschaft. Die Bedeutung des Buches sprengt bei weitem den Rahmen der Samojedologie als auch der Syntaxforschung. In der Syntaxforschung des Samojedischen ist aber zugleich ein neues Blatt aufgeschlagen worden. Tief zu bedauern ist bloß die unzureichende Höhe der Auflage des Buches (800 Exemplare), denn die Nachfrage nach ihm wird unter den Kollegen der Verfasserin groß sein.

AGO KUNNAP (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1974.4.09>

R. K a s i k, Verbide ja verbaalsubstantiivide tuletusvahekorrad tänapäeva eesti keeles. Väitekiri filoloogiakandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks, Tartu 1972.

4 мая 1973 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации преподавательницей ТГУ Рээт Казик на тему «Деривационные отношения глаголов и отглагольных существительных в современном эстонском языке». Официальными оппонентами были доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук Р. Куль (Таллин).

Целью исследования (176 стр. печатного текста) было как с семантического, так и с морфологическо-фонетического аспекта представить правила деривации возможных отглагольных существительных в эстонском языке, которые в дальнейшем можно использовать при образовании новых слов.

Таким образом, тема работы актуальна, а рассматриваемые проблемы имеют прикладное значение в словообразовании вообще и особенно для терминологии, в

последнее время привлекающей особое внимание. Общеизвестно, что ввиду малоизученности теоретических проблем деривации в эстонском языке до сих пор в развитии механики словообразования не было устойчивой основы, а результаты практического словообразования часто оставались посредственными. Содержательное исследование Р. Казик вносит ясность в один из обширных разделов деривации в эстонском языке — отношении отглагольных существительных. За основу общетеоретического анализа принята теория генеративной семантики. Чтобы применить ее в деривации, автору диссертации пришлось выполнить самостоятельно ряд теоретических изысканий. Многие взгляды и приемы предшественников оказались ошибочными, необоснованными или недостаточными, вместо них Р. Казик приходилось искать новые, более точные и подходящие. В теоретических рассуждениях автор диссертации подошла критически к положениям других авторов, проявив логичность и последовательность. Такой подход характерен и для других представителей тартуской школы генеративной грамматики.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, перечня использованной литературы и индекса суффиксов. Материал расположен удачно.

В первой главе (стр. 4—32) — «Деривация и принципы ее рассмотрения» — автор обоснованно отмечает, что хотя образование эстонских существительных рассматривалось уже начиная с Кнюпффера (1814 г.), деривация еще нуждается в фундаментальной разработке и — не только в эстонском языкознании. Далее рассматриваются способы словообразования в школьных грамматиках и диахронических исследованиях. Наряду с работами эстонских авторов приводятся труды, посвященные суффиксам других финно-угорских языков, со ссылкой на используемые источники.

Затем анализируются синхронические способы рассмотрения словообразования.

Основная часть первой главы посвящена теоретическим положениям и развитию генеративного мышления в словообразовании. Диссертант приводит недостатки трансформаторной разработки номинализаций Р. Б. Лиза, не давшей еще ответа на вопрос, почему одинаковая

глубинная структура позволяет получить различные номинализации. У Марчанда есть уже верные намеки на значение распространителя, однако он не смог разделить синтаксические отношения от семантических. Можно присоединиться к критике автором диссертации Ф. Надя, не обратившего внимания на то обстоятельство, что деривация отглагольных существительных значительно отличается от деривации других лексикальных единиц; а также Д. Макколи, ход семантического моделирования у которого слишком схематичен. Правильными следует считать критические замечания и в отношении аппликативной модели советских генеративистов С. К. Шаумяна и П. А. Соболевой, в которой не отражается семантическая сторона производных. В то же время опирающийся на понятие словообразовательного поля принцип группировки отглагольных существительных по двум семантическим признакам [\pm ОДУШЕВЛЕННОСТЬ] и [\pm РАСЧЛЕНЕННОСТЬ] О. Г. Ревзиной имеет с разработанной автором диссертации концепцией некоторые соприкасающиеся или легко сравнимые положения. Например, во второй главе «Предикатные номинализации» (стр. 33—68) и в третьей «Аргументные номинализации» (стр. 69—119) автор рассматривает суффиксы, ссылаясь на принципы классификации О. Г. Ревзиной.

Предикатные номинализации, которые О. Г. Ревзина отнесла к полю действия и состояния, можно охарактеризовать с помощью признаков [— ОДУШЕВЛЕННОСТЬ] и [— РАСЧЛЕНЕННОСТЬ], что присуще и эстонским отглагольным существительным, рассматриваемым во второй главе, например: *keeldumine* 'отказ', *areng* 'развитие', *pääste* 'спасение' и т. д. Автор правильно отмечает, что глубинная структура таких существительных такая же, как и у производящих глаголов (*keelduma*, *arenema*, *päästma*), и что номинализация, изменяя часть речи, остается явлением чисто поверхностной структуры. Интересны и верны рассуждения автора об ограничениях структуры составляющих предложений. Например, нельзя номинализировать вопросительные предложения, и при отрицательных предложениях номинализируется только конструкция на *-mine* (*Jaak ei allu korraldusele* 'Яак не подчиняется приказу' → *Jaagu*

mitteallumine korraldusele 'Неподчинение Яака приказу'). Это обстоятельство указывает на родство *mine*-производных с инфинитивами, для отрицания при этом используется *mitte* 'не'. В общем разработка отглагольных существительных с разными суффиксами в предикатных номинализациях выполнена разносторонне и полно. Рассматривается использование их как самостоятельных слов, а также компонентов сложных слов, многозначность производных и изменения в их семантике и т. д. Показываются различные возможности выражения объекта действия, например, *aisting maailmast* 'ощущение объективного мира', но *hinnang aabitsale* 'оценка азбуке', что не зависит от управления основы глагола, а также от суффикса отглагольного существительного. Верно замечание о синтаксическом различии конструкций на *-des* и *-mine*: *des*-конструкция имеет более отчетливый темпоральный оттенок. На стр. 62 и 63 даны указания, как избежать многозначных синтаксических связей в разделении номинальных конструкций с определением в генитиве. При такой детализации кажется несколько неожиданным, что в случае *mine*-производных констатируется только в общем — большинство выступает только в единственном числе (стр. 38), и не приводится ни одного примера на использование во множественном числе, что между прочим может быть тесно связано со случаями *oma* + парные слова (*ta on oma töö-d-tegemised teinud, sõõmised-loomised lõpetanud* 'он все свои дела переделал, кушания-напитки выкушал'). Немного неточно и преувеличено утверждение, что *us*-производные в обозначении процесса действия редко существуют самостоятельно (стр. 43). Правильно отмечается на стр. 60: в некоторых случаях объект действия в аллативе и адессиве можно заменить конструкцией с послелогом *kohta* 'о, про'. Однако аналогично предыдущим можно использовать и конструкции с послелогом *suhtes* и *asjus*. Излишне предупреждение об использовании рядом двух производных на *-mine* (стр. 68), потому что на самом деле так и не говорят (*avalduse kirjutamise tahtmine* 'желание написания заявления', ср. *tahtmine avaldust kirjutada* 'желание написать заявление'). В то же время в связи с утверждением об образо-

вании новых сложных слов надо учитывать имеющуюся в языке тенденцию: компонент, выражающий средство действия, присоединяется номинативно; это надо обязательно иметь в виду и при повторном издании орфографического словаря для ликвидации имеющейся непоследовательности. Только третья глава, как самая большая, имеет озаглавленные подпункты, однако для облегчения пользования работой их следовало ввести и в другие главы. В качестве аргументных номинализаций диссертант рассматривает отглагольные существительные, которые, по О. Г. Ревзиной, составляют поле деятеля или поле вещи, общий признак у них — [+ РАСЧЛЕНЕННОСТЬ]. Признак [+ ОДУШЕВЛЕННОСТЬ] содержится, например, в семантической записи таких отглагольных существительных, как *õpetaja* 'учитель', *lendur* 'летчик', *soosik* 'фаворит', признак [— ОДУШЕВЛЕННОСТЬ] характеризует, например, такие производные, как *osuti* 'указка', *küte* 'топливо', *luuletus* 'стихотворение', *ehitis* 'постройка'. Основное внимание обращается здесь на информацию глубинной структуры. Взяв за основу грамматическую концепцию Л. Теньера, Р. Казик в некоторой степени изменяет перечень падежей Ч. Фильмора и фиксирует свои падежи. В соответствии с тем, говорится ли о выражении деятеля, результата, средства, предмета или места действия, отглагольные существительные представлены по группам. Такая группировка логична и исходит из принципов генеративной грамматики. Для каждой группы производных в виде дерева представляется их глубинная структура.

Здесь метод рассмотрения тоже детален. Между прочим внимательно прослеживается, как сохраняется или изменяется управление производящей глагольной основы и приводятся неграмматические случаи, например генитив в некоторых *ni*-конструкциях. Эта глава содержит и некоторые неточности. На стр. 80 к числу глаголов, которые используются только в 3-м лице, ошибочно отнесен *kattuma* 'покрываться'. Иногда уместны более точные формулировки, например, на стр. 114 и 115 ссылки на семантическую дополнительную информацию глубинной структуры остаются слишком общими и неопределенными. Так как в эту главу не

вошли производные, обозначающие время: *olevik* 'настоящее время', *minevik* 'прошедшее время', *tulevik* 'будущее время', *kaduvik* 'проходящее время', возникает вопрос, достаточны ли на стр. 78 перечисленные в качестве базы работы надежные отношения. К представленному локативу с точки зрения эстонского языка мог бы быть добавлен падеж темпорал, к которому можно отнести указанные здесь производные.

Целью четвертой главы — «Формальные деривационные модели отглагольных существительных» (стр. 120—145) — является выяснение непосредственно составляющих, при этом имеются в виду как морфологическая, так и фонетическая сторона производных. Классификация проведена на основе производящего глагола, которая как простая основа может иметь или не иметь чередования ступеней. Отдельными группами рассматриваются такие отглагольные существительные, где основа производящего глагола сама производна. Сознательно исключены суффиксы *-mine*, *-ja*, *-ni*, *-tu*, которые можно присоединить к глаголам с любой структурой основы. Однако добавляются по сравнению с предыдущими главами производные, базирующиеся на причастиях с *-v* и *-tav*, по содержанию близкие к существительным, производным от прилагательных. Кроме уже указанных причастий, автор приняла в качестве производящих форм *ma*-инфинитив и *tud*-причастие. При этом она, разумеется, исходила из синхронического аспекта, но как и подчеркивается в работе, при изучении системы словообразования современного языка нельзя полностью обойти историю языка, поэтому не всегда ясно из формулировок, с каким способом рассмотрения имеем мы дело. Например, на стр. 130 в отношении типа *sõoming-jooming* 'пир-попойка' диссертант говорит: «Здесь трудно определить, выступает ли производящей основой *ma*-инфинитив, имя существительное с суффиксом *-m* или *mine*-производное»; или на той же странице о слове *püük* 'ловля': «Производное образовано от формы слабой ступени»; на стр. 133, где в отношении производных *suletis* и *seotis* утверждается, что «эта модель, очевидно, создана (разрядка моя — П. А.) по аналогии с производными, образованными

от глаголов с суффиксом *-ta*». Кроме более точных выражений, по мнению рецензента, было бы полезно при инфинитивных производящих формах оперировать их основами, а не номинативами причастий (*tud*-причастие базируется на основе безличной формы глагола); или с иллативной по содержанию формой *ma*-инфинитива (напр. *tulema* < **tulema-han* 'прийти'). Это в действительности принципиальный вопрос, учитывая который, удалось бы избежать ненужного расхождения между синхроническим и диахроническим исследованиями словообразования. В случае уже упомянутого *püük* 'ловля' неправильно предполагать слабую ступень исходного глагола, так как тогда ожидалась бы форма *püüak* (ср. *püüa-n* 'ловля'). Исторически базой здесь служит укороченная согласная основа **püütak* 'ловить', из которой, между прочим, получено и фин. *pyynti* 'ловля'.

Уместны некоторые сравнения с отыменными существительными, например на стр. 144. Обширное использование таких сравнений послужило бы только на пользу диссертации. В этой в общем удавшейся и имеющей большое практическое значение главе есть некоторые неточности, например, на стр. 129 отсутствует среди перечисленных исключений, полученных из глаголов с корнем *-a*, слово *kallur* 'самовал'. Приводит к заблуждению ошибка на стр. 131, из которой можно вычитать, что глаголы с суффиксом *-le* не образуют *us*-производных. Однако как же тогда интерпретировать *käsitelu* 'рассмотрение', *arutelu* 'рассуждение' и другие слова, если не как производные *ele+u*. Так как в диссертации признано необходимым рассмотреть словообразовательные модели и отдельные слова или исключения (напр. стр. 137) *põletik* 'воспаление'), следовало ожидать некоторого рассмотрения и таких слов, как производное согласной основы *surm* 'смерть', форма с нерегулярной укороченной основой *käänd:käänu* 'поворот' (ср. **käitak* 'поворачивать' и тип со сложным суффиксом *põlendik* 'пожарище (лес.)'), которые в настоящей диссертации не рассматриваются. Рассмотренные модели словообразования дают хороший обзор с помощью двух богатых информацией таблиц, которые приведены и в автореферате.

Последняя глава диссертации предназначена для обобщений и заключений, в ней с точки зрения практического использования еще раз обращается внимание на все отглагольные существительные эстонского языка начиная с *mine*-производных и кончая существительными с суффиксом *-e*. За этим следует обобщающая характеристика словообразовательных моделей. Автор наряду с другими предложениями считает необходимым при третьей степени долготы исключить из технических терминов *ur*-суффикс и оставить его только для обозначения деятеля. Однако в последнее время развитие осуществлялось в этом направлении, как видим в финском языке (*nauhuri* 'магнитофон'), и кардинальный поворот, вероятно, уже трудно выполнить. Однако предложение само обосновано и дельно. Наряду с словообразовательными моделями *-la* и *-us*, выражающими место действия (*ujula* 'купальня', *kauplus* 'магазин'), на стр. 162 не упомянут тип с суффиксом *-sti*, расширение границы применения которого заслуживает внимания, так как суффикс *-la* имеет «опасность» превратиться в «сверх»продуктивный.

Содержательное исследование базируется на обширном языковом материале. Автор хорошо знакома с литературой по специальности, перечень которой занимает 11 страниц.

Jaak Simm, Võnnu kihelkonna asustuslane toponüümika. Väitekiri filoloogikandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks, Tallinn 1973.

31 октября 1973 г. на заседании Совета по историческим и филологическим наукам Отделения общественных наук АН ЭССР состоялась защита кандидатской диссертации научным сотрудником Института языка и литературы АН ЭССР Яаком Симмом на тему «Комонимы Выннуского прихода». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук Р. Карелсон (Таллин).

За последние годы изучению эстонских топонимов уделяется больше внимания, чем прежде. В связи с этим диссертация Я. Симма о комонимах Выннуского прихода появилась не на пустом месте. На современном этапе изучения эстонской

Отмеченные незначительные недостатки, часть которых спорна, не умаляют значенности исследования Р. Казик по разработке теоретических основ деривации эстонского языка и выяснению словообразовательных моделей отглагольных существительных. Автор убедительно показала, что опирающаяся на грамматику падежей Фильмора концепция для отглагольных существительных полностью применима и допускает ее дальнейшую разработку. Другое дело, конечно, отыменные производные, для анализа которых грамматика Фильмора не пригодна и в связи с этим выявляется ограниченность данного метода и непригодность его для разработки деривационных проблем в целом. В настоящем исследовании расширены границы применения грамматики падежей Фильмора. При комплексном рассмотрении проблем с точки зрения словообразовательных моделей, семантики и синтаксиса автору первой удалось показать, что и такие отглагольные существительные можно производить по генеративным правилам, где процесс деривации вносит новые семантические показатели.

Автор диссертации показала себя способным исследователем, чьи логические заключения в области деривации следует учитывать и другим языковедам.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

топонимии возможность самой детальной разработки, несомненно, обеспечивают исследования регионального характера, в число которых входит и рецензируемая диссертация. Тема исследования выбрана удачно, так как автор ее изучает комонимы той территории, которая примыкает к северной части уезда Тартумаа, уже исследованной В. Паллем и описанной в его монографии «Rõhja-Tartumaa kohanimed» (Tallinn 1969; Топонимия северной части уезда Тартумаа). Эти территории имеют некоторые общие черты в истории заселения, кроме того, сюда проникают русские влияния с востока. Все это позволяет рассматривать диссертацию Я. Симма как один из разделов намечен-